

БЕСЕДА С СЕНАТОРОМ Э. КЕННЕДИ В КОМИТЕТЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ГРУППЫ СССР

5 февраля 1986 года

В ходе беседы Э. Кеннеди выделил следующие основные моменты:

1. Новая встреча, безусловно, во многом изменила настроение в мире. В США это хорошо ощущается. Речь идет об изменении к лучшему, о рождении надежд на лучшее будущее. Однако этот процесс имеет и свою отрицательную сторону. Новое настроение активно использует Президент Рейган. И речь идет не только о том, что он с помощью Женевы как бы наращивает свою популярность.

Женева позволила Рейгану фактически тормозить процесс продвижения к каким-то позитивным результатам в переговорах с СССР. Он говорит о том, что положение уже другое, что он наладил диалог с русскими, а фактически ничего не делает или же ведет дела в прежнем направлении, то есть в направлении усугубления военных приготовлений.

С точки зрения демократов всё это очень плохо. Это не значит, что демократы против Женевы или духа Женевы, – они «за». Но они считают, что важно не дать Рейгану использовать хорошее дело в плохих целях.

2. Э. Кеннеди видит цель своего приезда в СССР в том, чтобы не просто поддержать контакты, но и обсудить, что можно было бы сделать для дальнейшего реального улучшения ситуации, для продвижения вперед на переговорах, для обеспечения более полного, более конкретного успеха следующей встречи в верхах.

По мнению Э. Кеннеди, наиболее перспективными вопросами могут быть:

– проблема ядерных испытаний. Даже если не удалось бы сразу прийти к их полному запрещению, может быть, было бы целесообразно договориться хотя бы об ограничении мощности и числа испытаний. В 1976-1979 годах в ходе проводившихся тогда переговоров и СССР, и США почти подошли к соглашению. Однако затем администрация сорвала продвижение

вперед. Если бы советская сторона использовала активно достигнутые тогда результаты – не ратифицированного ранее, но заключенного соглашения об ограничении испытаний, – может быть, удалось бы все-таки продвинуться вперед;

– химическое оружие. Здесь, по мнению сенатора, есть точки соприкосновения и возможность достичь каких-то конкретных результатов.

3. Вместе с тем, подчеркнул Э. Кеннеди, есть вопросы, которые, будучи сами по себе менее важными и глобальными, чем проблема разоружения, оказывают, тем не менее, тормозящее влияние на процесс улучшения советско-американских отношений.

В число этих вопросов Э. Кеннеди отнес, прежде всего, проблему терроризма. «Не вдаваясь в спор о том, как относиться к национально-освободительному движению, я хотел бы отметить, – сказал сенатор, – что терроризм есть разный, что я лично отношу к терроризму чилийский режим, деятельность властей в Южной Африке, деятельность контра в Никарагуа. Есть, конечно, и левый терроризм, но я не считаю, что всё надо сводить к нему».

Отвечая на замечание о том, что терроризм, который сенатор называет левым, – это проявление настроения людей, доведенных до отчаяния, что, хотя мы также против террористических методов, мы понимаем эту разницу, сенатор сказал: «Безусловно, надо учитывать, что терроризм бывает разный, но, тем не менее, в интересах всех – ликвидировать почву для любого терроризма. И здесь, может быть, СССР и США смогли бы найти хотя бы частичное взаимопонимание».

Далее Кеннеди сказал, что, по его мнению, с точки зрения определенной части американской общественности и, в частности конгресса препятствующими являются такие вопросы, как права человека, шифрование Советским Союзом телеметрических данных об испытаниях ракет.

Давая ответ на оба эти замечания, Кеннеди не настаивал на своих аргументах, но повторил, что для определенных кругов всё это – реальные

препятствия к улучшению отношений. «Даже если бы Президент принял сегодня все ваши предложения и представил их для ратификации в сенат, сенат вряд ли бы согласился с его идеями».

4. В заключение Кеннеди сказал, что он в целом горячо приветствует новые инициативы М.С. Горбачева, что в основном он с ними согласен, что он, безусловно, считает правильным снижение уровня военной конфронтации и гонки вооружений, что он, безусловно, за запрещение испытаний в качестве первого шага. По его мнению, сейчас важно наращивать давление на администрацию с разных сторон – и извне страны, и изнутри, – и что он хочет в беседе с М.С. Горбачевым выдвинуть некоторые конкретные соображения по этому поводу».

БЕСЕДА В.В. ЗАГЛАДИНА С Э. КЕННЕДИ ЗА УЖИНОМ

6 февраля 1986 года

1. Сенатор находится под сильным впечатлением от беседы с М.С. Горбачевым. «Он очень мне понравился, – говорил Кеннеди. – Это твердый и, вместе с тем гибкий лидер, который знает, чего хочет. Он владеет искусством беседы, неожиданных поворотов и аргументов».

2. Вместе с тем, по мнению Э. Кеннеди, «советские друзья еще не до конца поняли психологию американцев и суть тактики Рейгана».

Женева была большой победой Советского Союза в глазах всего мира, но не в глазах американцев. В представлении среднего американца положение выглядит так: «Рейган сумел наладить контакт с русскими, немало получив, но ничего не дав; это – великий лидер!».

Многие в США, продолжал сенатор, помнят, что Рейган перед поездкой в Женеву уверял: «Я поеду, налажу связи, улучшу атмосферу, но не уступлю в вопросе о СОИ, в вопросах обороноспособности Америки». Так он и сделал, что привело к росту его популярности.

Поскольку из размышлений сенатора как бы вытекало, что Женева – это реальный успех Рейгана и сомнительный – для нас, задал ему прямой вопрос: что же, не надо было ехать в Женеву? Сенатор решительно ответил:

«Надо было, но надо и дальше нажимать, быть тверже. План Горбачева великолепен, но не имеет шанса быть принятым, во всяком случае сейчас, нынешней администрацией. Двигаться вперед можно только частями, небольшими этапами, хватаясь за те моменты, где позиции Рейгана слабее, где уже есть какие-то заделы».

У Кеннеди сложилось впечатление, что мы сейчас спокойно выжидаем реакции США, полагая, что время работает на нас. Но, по его мнению, это не совсем так. Пока что Рейган выигрывает. Он вроде бы «обдумывает» наши идеи, но делает свое – наращивает гонку вооружений. Потом он ответит, выхватив из контекста советских предложений что-то, но так, что согласиться с ним будет трудно. Например – контроль без разоружения и т. д.

Тем временем, авторитет Рейгана растет.

3. У вас, продолжал Кеннеди, существует представление о могуществе военно-промышленного комплекса. Он имеет вес и силу, но, во-первых, он не так могущественен в политике, как вам кажется; во-вторых, он не един. Военные, например, имеют свое мнение, многие из них за ПРО, за ОСВ, за замораживание ядерных вооружений, за снижение их уровня при отказе от ракет с РГИ и переходе на моноблочные ракеты и т. д. Вообще, сказал Кеннеди, канал влияния на военных у вас отсутствует, а это – плохо, ибо с ними вам было бы легче говорить.

Правит Америкой **часть** влиятельных политических кругов страны, – а именно, по словам Кеннеди, их «консервативно-эгоистическая» часть, – стремящихся настроить все население страны на волну «правого национального эгоизма», что очень опасно.

Реалистически думающие (хотя их немало) оттеснены Рейганом. А сил, которые, подобно Никсону, были бы способны соединить «консервативный эгоизм» с реализмом, нет.

Верно, что ныне правящая элита тесно связана с военно-промышленными кругами, но тоже только с одной их частью. Есть и другая их часть, которая более способна думать реалистически, представить себя,

например, как какую-то мирную реконверсию. С ними тоже можно иметь дело.

4. Сейчас, по мнению Кеннеди, надо, понимая, что весь план осуществить сразу невозможно, выбрать два-три реализуемых пункта и непрестанно нажимать на Рейгана, стремясь ограничить его свободу действий. Такими пунктами могут быть:

- подтверждение Договора по ПРО;
- ограничение потолка испытаний и сокращение их числа;
- ракеты в Европе (хотя, сказал Кеннеди, Рейган будет требовать ликвидации ракет в Азии).

По всем этим пунктам есть уже известные заделы, в конгрессе здесь можно получить значительную поддержку.

Но надо все время давить на Рейгана, показать, что у него нет времени думать, заставить его от общих фраз перейти к конкретике.

5. Смогут помочь в этом плане какие-то шаги с нашей стороны, которые, не будучи уступкой, могли бы снять некоторые «обеспокоенности» Запада. Например, можно было бы заявить: строительство радара в Красноярске «заморожено» на неопределенный срок. Это – не уступка, но способ воздействовать на определенные круги в США.

6. По мнению Кеннеди, вторая встреча с Рейганом более целесообразна летом, до промежуточных выборов. Ибо после них страна вступит в период подготовки к президентским выборам, и там добиться чего-либо будет еще труднее.

Помощник Кеннеди Л. Горовиц с возмущением рассказал, что Рейган в беседе с сенатором заявлял: «Я встречу с русскими летом, но только не в августе, когда мои кобылы начнут рожать: это для меня важнее, чем беседы с русскими».

7. Подводя итог, Кеннеди сказал: «Нынешнее почти рождественское настроение, благодушие американцев надо нарушить: на Рейгана давить сильнее, тверже, конечно, соблюдая ту форму, которая избрана Горбачевым.

И, конечно, я еще подумаю, что можно сделать с моей стороны, со стороны сената. Я доложу о встрече на сессии конгресса, выступлю в стране столько раз, сколько надо, Горбачев прав – момента упускать не следует».

В ходе беседы чувствовалось, что Кеннеди исходит в своих рассуждениях и из понимания опасности ситуации, и из партийных соображений – он обеспокоен положением дел у демократов.